

Глава 1

— Я думала, пары длиной в полтора часа — это просто плохая шутка училок. — Карина устало влачилась за мной по бесконечному коридору универа.

— Ну, и как? Смешно тебе? — спросила равнодушно, глянув на нее через плечо.

— Обхохочешься, — закатила она глаза. — Сразу после того, как хорошенько проплачусь в общаге под крылом какого-нибудь таракана, обязательно посмеюсь над всем этим. И так каждый день.

— Четыре года подряд, — напомнила я и в ответ услышала смесь из мычания и рыдания.

— Не говори эти страшные цифры! Я еще не смирилась с неизбежностью того, что одна пара — это два урока. Скучных, нудных урока.

На лицах других студентов, идущих нам навстречу, читалась ровно та же усталость после пяти пережитых пар. Замученнее всего выглядели первокурсники, которых все еще можно было отличить по слегка растерянному выражению лица. Те же, кто учились на последних курсах, в основном выражали пофигизм и почти брезгливую небрежность к нам. Да и выглядели в целом так, словно делали огромное одолжение всему универу, явившись в его стены не в пижамах, как им наверняка хотелось бы.

Интересно было наблюдать за своеобразными кастами, образовавшимися в учебных коридорах. Здесь без труда можно было вычислить «крутых типов», считающих, что ширина всего коридора принадлежала одним лишь им и их широким плечам, на которых они несли свое высокомерие по отношению не только к другим студентам, но и к преподавателям.

Рядом с ними всегда ошивались «девочки-красавицы», или попросту «соски», у которых юбки, как правило, были короче волос на пустой голове. Глядя на них, складывалось впечатление, что одевались они в витринах бутиков, раздевая перед занятиями очередные манекены, в шмотках которых и приходили в универ крутить задом перед крутыми типами. А те зачатки мозга, что у девушек имелись, предназначались только для того, чтобы регулировать ширину улыбок от идиотских шуток «крутых» и ловить момент, когда нужно будет картинно прикусить нижнюю губу, если один из «крутых» обратит на них внимание.

Забавнее всего было наблюдать за активистами. Эти ребята казались чудиками, пребывая в своей особой атмосфере, порой пробегая мимо зазевавшихся студентов в каком-нибудь нелепом костюме и крича друг другу что-то, должно быть, особенно важное. Самая неуловимая каста. Всегда при деле, но никогда никуда не успевали, даже на занятия, на которые они, впрочем, и не торопились, потому что имели блат, благодаря активному участию в жизни универа.

Если «крутые типы» и их «соски» составляли подобие высшей касты, то активисты являли собой некое промежуточное звено между теми, кто был максимально крут, и теми, кто являлся бледной тенью не то что элиты, а даже простых людей.

Ниже шла прослойка из зубрил, заучек и «ботаников», которые постоянно были в конспектах, передвигались по стеночкам коридоров, опустив взгляд в пол, и носили одежду, отобранную когда-то в неравном бою с дедушкой и молью.

Такой была и я — серая безликая тень, единственным ярким пятном которой являлась копна рыжих волос. В остальном не обладала никакими отличительными чертами, кроме особо крупных катышков на любимой застиранной клетчатой рубашке.

— В общагу сейчас? — спросила Карина, когда мы вышли из универа на широкое каменное крыльцо.

— Да. — Сощурилась от яркого осеннего солнца. — Перекушу, и надо съездить в пару мест. Может, удастся устроиться на работу.

— Я бы тоже хотела работать, — выдохнула мечтательно моя одногруппница и соседка по комнате.

— Так поехали со мной. Может, возьмут.

— Я хотела бы работать, но не хочу работать, — уточнила Карина, смеясь. — Прикинь, как гордо звучит «учусь и работаю» в глазах ровесников и родителей!

— Прикинула, — повела я иронично бровью.

Я никогда не отличалась высоким градусом общительности. Возможно, когда-то мне хотелось бы стать такой же безмятежной, болтливой, простой и открытой, как Карина, но внешние обстоятельства порой служат отличной основой для воздвижения тюрьмы, в которую со временем каждое из этих качеств запирается на пожизненный срок.

Внутри каждого из нас имеется такая тюрьма. В ней надежно упрятаны все те качества, которые не приглянулись социуму, оказались им отвергнуты под гнетом обстоятельств. И чтобы не оставаться в стороне от людского одобрения и принятия, мы прячем их, заковываем в тяжелые ржавые кандалы и выпускаем погулять в крайне редких случаях, на короткие мгновения, чтобы хотя бы самим помнить себя настоящих.. А затем снова прячем и накидываем маски, в которых нас принимают и не хотят укусь побольнее.

Так сложилось, что в моей личной тюрьме было слишком много меня, поэтому я сама являлась ее затворником и, стало быть, достаточно закрытым человеком.

Теплый осенний ветер поднял со старого асфальта листья и с шуршанием взметнул их в воздух. Прядь волос, выбившаяся из хвоста, завесила глаза. Привычным, отточенным годами движением заправила ее за ухо и замерла.

Совсем близко раздался гогот компашки крутых парней. Я знала этот смех. Ровно так же смеялись в школе, когда находили новую жертву и издевались над ней напоказ. Знала, потому что сама неоднократно являлась той, кого обсмеивали и унижали в угоду людскому идиотизму и низменным желаниям.

По коже пробежали мурашки, подобно вставшим на дыбы лошадям. Тело и разум кричали о том, чтобы я убиралась отсюда как можно дальше и сделала вид, что ничего не слышала. Но подсознание, помнящее, каково быть жертвой, просило, чтобы я вмешалась.

Пробежала взглядом по парковке близ крыльца и у самого выезда с территории университета увидела короля. По крайней мере, именно так себя ощущал и преподносил Клим, он же — Никита Климов. Старшекурсник, которому нечем похвастаться, кроме богатенького папочки. Но отчего-то именно он являлся местным корольком, перед которым все негласно пресмыкались. И это бесило сильнее всего. Высокомерность, заносчивость, вспыльчивость... и многое другое, за что парня можно было переехать на его же «гелике» сотни раз, почему-то превозносилось другими как нечто заслуживающее поклонения.

И прямо сейчас, пока «король» восседал на капоте своей тачки, у его ног разворачивалось представление, приготовленное его шакалами. Иначе компашку прихвостней и шестерок я назвать не могла. Эти придурки были готовы вылезти вон из кожи, чтобы понравится своему «корольку».

В этот раз жертвой их насмешек и легких, но, уверена, ощутимых и достаточно обидных ударов стал студент, которого я иногда видела в общаге. И поводов для того, чтобы прицепиться именно к нему, у шакалов было предостаточно: толстый парень

в розовой футболке и с очками на носу собрал целое комбо для того, чтобы сегодня внимание обратили именно на него.

— Какой же придурок, — выругалась себе под нос и зашагала в сторону компашки.

Лично я не видела ничего веселого в унижении человека толпой идиотов перед другой галдящей толпой идиотов.

— Яся, ты куда? — поспешила за мной Карина.

— Куда надо, — бросила, не обернувшись.

Я видела перед собой цель в виде большого розового пятна и шла к ней. Не станут же они бить девчонку на глазах у своих фанатов? Даже у отморозков вроде них были свои границы, хоть и не самые четкие.

— Яся, ты с ума сошла? — прискакивала рядом Карина, пыталась поймать меня за руку, чтобы остановить. — Не лезь туда, ненормальная! Это не наше дело.

— Не наше? — Резко остановилась и повернулась к девушке. — Не наше?! А если бы там была ты? Тоже так считала бы и не ждала бы хоть какой-то помощи, чтобы эти придурки отвлеклись от процесса твоего унижения хоть на секунду? Если да, то напрось к ним следующей. Обещаю — вмешиваться не стану.

Скинула ее ладонь с плеча и на всем ходу врезалась в шакала, который дразнил парня его же очками.

— Эй! — вякнул тот, которого я оттолкнула.

Проигнорировала гонор и отобрала очки, вручив их парню, который, похоже, без них почти ничего не различал вокруг.

— Ты как? — спросила я участливо.

— Нормально, — буркнул тот недовольно и стал отряхивать джинсы от пыли, в которой его успели извалять.

Отошла в сторону и под тихие смешки зевак и шакалов подняла рюкзак бедняги.

— Держи, — протянула лямку, за которую он зацепился.

— Уходи отсюда, — произнес парень тихо. — Я сам справлюсь. Сейчас еще и тебе перепадет.

— Не бойся, — ответила ему вполголоса и громче, чтобы могли слышать все, добавила: — Они не станут на глазах у своих фанатов толпой бить девчонку. Иначе золотого мальчика лишат денежек.

Карина, стоящая неподалеку, пугливо выпучила глаза и бросила настороженный взгляд в сторону, где на «гелике» сидел местный королек.

— Толпой не станем, — уж слишком тесно подошел к моей спине шакал. У самого уха клацнула смердящая пасть. — Я и один могу тебя воспитать, рыжуля.

Закатила глаза от «оригинальности» придуманной специально для меня клички. Повернулась к идiotу, чтобы увидеть его лицо поближе, и неожиданно вздрогнула, услышав тихий, но достаточно внушительный мужской голос, раздавшийся с «гелика».

— Рава, отошел от нее.

Глядя шакалу в глаза, насмешливо выгнула брови, тоже напоминающая, где его место — подле ноги хозяина.

Снова повернулась к парню в розовой футболке, который закончил отряхиваться от пыли и теперь, похоже, ждал только меня.

— Идем. — Взяла его под локоть, словно мы прямо сейчас не от толпы отморозков уходили, боясь оборачиваться, а вышагивали на романтической прогулке.

— Ты сейчас вляпалась в дерьмо по самые уши, — шептал парень, спасенный мной.

— Ничего не будет. Успокойся, — так же тихо шепнула в ответ и, привычно опустив взгляд, прошагала вместе с ним мимо сгустка студентов. — Уже через пять минут они забудут нас обоих, когда на горизонте появится новая жертва.

— Первачи, — фыркнул парень. — Наивность так и прет.

— Просто заткнись и иди, — ущипнула его за руку, которую все еще держала.

— Капец! Клим на тебя смотрит, — прошипела нагнавшая нас Карина.

Без особого интереса бросила быстрый взгляд через плечо и безошибочно встретилась глазами с королем всех шакалов. С легким прищуром на абсолютно каменном лице, скрытом прядями темных волос, с которыми заигрывал ветер, он смотрел на меня в упор. И лишь за мгновение до того, как я собралась отвернуться, уголка его губ коснулась хищная полуулыбка, пустившая мурашки по моим рукам.

— Плевать. — Отвернулась, снова сосредоточив внимание на том, куда ступала. — Пусть хоть дыру во мне прожжет. Все равно не запомнит.

